

DOI 10.15826/vopr_onom.2023.20.3.034
УДК 811.161.1'373.232.2 + 94(470)“14/16” +
+ 340.141 + 316.344.42 + 811.161.1'367.7

М. М. Бенцианов
независимый исследователь
Екатеринбург, Россия

ОТЧЕСТВА НА *-ВИЧ* КАК МАРКЕР СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА В ДОКУМЕНТАХ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА XIV–XVI ВВ.

Распространенное в исторической литературе мнение о привилегированном статусе носителей отчеств на *-вич* основывается на источниках XVI–XVII вв. Такая практика отражала официальный взгляд на систему социальной иерархии. В делопроизводственных документах она проявляется с 1480-х гг., в великокняжеских летописях и в синодике московского Успенского собора — не ранее 1440-х гг. В целом в комплексе делопроизводственных источников употребление вариантов отчеств на *-вич* как признака принадлежности к высшим слоям правящей элиты утвердилось только к середине XVI в. Источники частного (негосударственного) происхождения демонстрируют широкое бытование отчеств на *-вич* в качестве маркера уважительного отношения (или высокой самооценки). Употребление таких патронимов имело значительное распространение в XII — первой половине XV в. и далеко не всегда отражало реальный статус действующих лиц. Примеры использования отчеств на *-вич* среди служилых людей невысокого социального статуса встречаются и в последующие столетия, хотя их количество значительно уменьшилось. Уже со второй половины XV в. потомки боярских (а затем и княжеских) родов невысокого служебного ранга начинают массово использовать в частных актах варианты отчеств на *-ин* и *-ов/-ев*. Эта тенденция, вероятно, была связана с распространением обязательной службы и с выстраиванием на ее основе более четкой иерархии внутри местных сообществ служилых землевладельцев. Сравнительно позднее возникновение представлений о привилегированном характере отчеств на *-вич* делает необходимым более тщательное изучение источников для их привлечения в качестве маркера принадлежности к «служилым элитам». Наиболее интересно в связи

© Бенцианов М. М., 2023

с этим изучение делопроизводственных документов, позволяющее определить место и статус того или иного лица в придворной иерархии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Русское государство; Северо-Восточная Русь; бояре; аристократия; элита; антропонимия; патроним (отчество); патронимические суффиксы

Известно значение, которое придавалось в России XV–XIX вв. написанию отчества. Многочисленные примеры наглядно иллюстрируют роль отчества для подтверждения официального статуса его носителя. Использование суффиксов *-евич/-ович, -ич* (далее *-вич* — как принятая в речевом обиходе обобщенная форма) при написании собственных отчеств было привилегией наиболее знатных особ. В мемуарах Г. Штадена содержится эпизод о смотре в Старице (1567), на котором ему было предоставлено право именоваться с отчеством *Владимирович*. По его мнению, «слово *вич*» — княжеское и дворянское [Штаден, 2009, 409]. В 1610 г. за заслуги в борьбе с Лжедмитрием II право писать свое отчество с «вичем» было пожаловано купцу П. С. Строганову [Успенский, 1994, 175–176].

Инициатива подчеркивания своего статуса через применение такого варианта отчества исходила и от самих служилых людей высокого ранга. В 1693 г. думный дьяк А. А. Виниус подал челобитную с просьбой написать в посольской наказной грамоте его отчество с «вичем» [Гуськов, 2019, 126]. Активно использовались такие отчества и в местнической практике. В 1665 г. во время спора Ф. Грибоедова с И. И. Чаадаевым последний ссылался на жалованные грамоты (фальсифицированные) своих предков: «А в тех грамотах родственники его Матвей Иватин и сын ево Григорий Чеадай писаны с дворяны и с вичем» [Пономарева, 2005, 49]. В родословной Лихачевых подчеркивался высокий статус предка Дружины Лихачева: «...а в грамоте великих князей писано Дружине с вичем» [РР, 244].

В. К. Чичагов убедительно показал разницу в написании отчеств на примере списков государева двора тысячной книги 1550 г. и дворовой тетради 1550-х гг. Отчества с *-вич* использовались царем, членами боярской думы и другими лицами, принадлежавшими к «социальным верхам». Остальные довольствовались отчествами на *-ов* и *-ин*. Со временем статус некоторых лиц мог повышаться, соответственно, менялось и написание их отчеств в официальных документах [Чичагов, 1959, 48–54]. Следуя этой традиции, московские приказные люди постоянно меняли финаль фамилий у представителей польско-литовской (западнорусской), а позднее украинской знати. Подобная практика прослеживается в посольских документах уже с конца XV в. Так, смоленские наместники *И. Ильнич* и *Ю. Глебович* в московском варианте превращались в *И. Ильина* и *Ю. Глебова* соответственно. Позднее в письмах Ивана Грозного от имени московских бояр гетман *Г. А. Ходкевич* осознанно был обозначен как *Хоткеев* [Сб. РИО, 35, 20, 24, 25; Карнович, 1886, 35–36; ПИГ, 246, 251]¹.

¹ В прямом послании царя к Яну Ходкевичу адресат был назван в соответствии со своим статусом — *пан Ян Еронимович Хоткевич*.

Разграничение вариантов написания отчеств отражало сложившуюся к определенному времени официальную трактовку. Документы неофициального характера показывают, что использование отчеств с *-вич* имело более широкое распространение и далеко не всегда совпадало с реальным социальным статусом именуемого лица. Обычной была практика уважительного обращения жены к мужу (сыновьям) с использованием варианта отчества на *-вич*. Об этом свидетельствуют, например, письма жен местных детей боярских из осажденного Смоленска в 1609 г. Среди адресатов писем были *Дружина Филиппович Неелов, Петр Афанасьевич Бахмаков, Тимофей Григорьевич Головачев, Яков Остафьевич Тухачевский, Михаил Филиппович Неелов*. К детям *Михаилу Романовичу Дивову* и *Павлу Степановичу Самарину* обращалась их мать Марья Григорьевна. Все перечисленные лица не слишком высоко котировались в десятне 1606 г. и не могли претендовать на высокое место в системе смоленского «города». Так же уважительно относились к своим близким и другие авторы писем Смутного времени. К зятю *Семену Захарьевичу*, сестре *Овдотье Яковлевне* и племяннику *Панюшке Семеновичу* писал некий *Дружина Яковлев*. В другом письме священник Василий был обозначен как *Василий Дмитриевич* [ДАИ, 397–399; Либерман, 1997, 439–441].

В указанных случаях использование отчества с *-вич* было демонстрацией особенного отношения к адресатам писем и не несло ярко выраженной социальной нагрузки. Очевидно, эта традиция также имела длительную историю существования.

Уместным в связи со сказанным является вопрос о допустимости использования отчества с *-вич* как маркера, определяющего высокий статус того или иного лица, в документах XIV–XV вв., когда еще не были наработаны делопроизводственные шаблоны. При отсутствии специальных исследований сделанные в исторических работах обобщения нуждаются в более тщательной оценке с учетом контекста и особенностей того или иного источника [Савосичев, 2013, 102; Чернов, 2011, 660].

Процесс складывания отчеств (патронимов) подробно освещен в отечественной антропонимике, хотя его изучение имеет несколько односторонний характер. В рамках исследования антропонимической системы, предпринимаемого лингвистами, акцентировались лексический, этнографический и культурологический аспекты [см., например: Королева, 2000]. Значительно меньшее внимание уделялось собственно исторической составляющей. Вопрос о необходимости изучения разных форм отчеств в историческом контексте был поставлен В. Б. Кобриним [2008, 243], но не получил заметного продолжения.

Существование отчеств в русской антропонимической практике прослеживается начиная с X в., хотя и не имеет устойчивого характера. В списке участников посольства в Византию в 944 г. отчество было обозначено у князя Святослава, а также, видимо, и у некоторых других членов делегации. Уже в XII в. формы

обозначения отчеств были представлены в нескольких вариантах. Для образования отчеств использовались суффиксы *-жь*, *-ин*, *-ов/-ев*, *-ович/-евич/*, *-ич*². Наибольшее распространение имели отчества на *-ич*, обозначающие связи с определенным родом (*вятичи* и *радимичи* как потомки *Вятко* и *Радима* соответственно) [Успенский, 2002, 78–90].

Далеко не всегда подобные отчества соотносились с представителями правящей элиты, князьями и приближенными к ним лицами. В «Повести временных лет» упоминается старец Киево-Печерского монастыря *Михаль Тольбекович*. Позднее известен конюх князя Святополка Изяславича *Сновид Изечевич* [ПСРЛ, 1926, 191, 260]. В Новгородской первой летописи сохранилось упоминание об убийстве некоего *Ивача Свеневиця* [НПЛ, 38].

Та же тенденция заметна при анализе эпиграфических памятников, в которых встречается целый ряд неизвестных по другим источникам лиц: *Смолко Нинкинич*, *Нежата Иванич*, *Местята Жабчевич*, *Воигост Юрьевич*. Среди убийц Андрея Боголюбского перечислялись *Петр Фралович*, *Яким Куцкович*, *Офрем Моизич*, *Добрыня Никитич*, *Петр Иванкович*. В граффито они были обозначены как «паробки», что должно было подчеркивать их не слишком высокий социальный статус [Медынцева, 1978, 64, 67, 82, 91; Гиппиус, Михеев, 2020, 63–102].

Добавление суффиксов *-ин*, *-ов/-ев* первоначально маркировало, видимо, зависимость от того или иного лица³, в ряде случаев также могло рассматриваться как патроним [Успенский, 2002, 90–92]. Характерно, однако, что примеры подобных отчеств в летописных текстах практически не встречаются. На ранних этапах развития антропонимической системы употребление двух вариантов написания отчеств не имело, скорее всего, особых статусных различий. Среди свидетелей купчей княгини Анны из граффито киевского Софийского собора были представлены *Тудор Тубынов*, *Илья Копылович* и *Тудор Борзятич*, которые обладали равным положением (перечислены в одной части текста) [Высоцкий, 1966, 61].

Источники Северо-Восточной Руси в целом подтверждают отмеченную тенденцию. В Лаврентьевской, Радзивилловской летописях и в летописце Переславы Суздальского отсутствовали патронимы с окончаниями на *-ин*, *-ов/-ев*. Первые примеры такого рода относятся только к реконструируемой Троицкой летописи. Так, в 1368 г. во время похода Ольгерда на Москву великий князь Дмитрий «воеводство приказа Дмитрею *Минину*». Это — сын известного московского боярина *Мины*, основатель рода Софроновых и Проестевых. Вторым воеводой сторожевого полка от Владимира Храброго был *Акинф Федорович Шуба*

² В Новгородской земле — *-овиц/-евич*, *-иц* (с мягким [ц']) — отражение новгородского «цоканья»).

³ Патрон-клиентские отношения могли обозначаться через применение суффикса *-вич*. Духовником великой княгини Елисавы, матери Святополка Изяславича, был *Михал Елисавинич* из граффито киевского Софийского собора [Высоцкий, 1966].

[Приселков, 1950, 387; Веселовский, 1963, 237–238]⁴. В нескольких последующих статьях лица с отчествами на *-вич* и *-ин*, *-ов/ев* также упоминались в одном ряду. В 1376 г. новгородский посадник был поименован как *Юрий Онцифоров*, а чуть ниже — уже как *Юрий Анцифорович*. Вместе с ним в поездке к митрополиту участвовали бояре *Василий Кузьмин* и *Василий Иванович*. В 1377 г. в свите Митяя среди митрополичьих бояр фигурировали *Иван Артемьевич Коробьин* и *Степан Ильин Кловья*, хотя в этом примере они могли обладать разным статусом [Приселков, 1950, 401, 411].

Интересно отметить, что под 1374 г. в Троицкой летописи была помещена запись о смерти в Москве последнего тысяцкого *Василия Васильева сына Вельяминовича*. Отчество влиятельного В. В. Вельяминова здесь было отмечено без традиционного *-вич*, хотя его высокий статус в то время не подвергался сомнению. Стоит предположить, что такое написание было вызвано трехосновной формулой его обозначения, в которой были указаны имя, отчество и дедичество (именование по деду). Позднее так же был назван пристав при митрополите Пимене: «приставиша к нему некоего боярина именем Ивана *Григорьева* сына Чуриловича, нарицаемого Драницю». Еще один пример связан с сыном В. В. Вельяминова Поливектом. В 1406 г. на его дочери женился князь Петр Дмитриевич, «поя за ся Полуектову дщерь *Васильева* сына Васильевича тысяцкого» [Там же, 307, 413, 464; Веселовский, 1963, 212–215].

Употребление отчеств на *-вич* в конце XIV — начале XV в., как и в случае с более ранними примерами, еще не выступало в качестве обязательного отличительного признака для представителей правящей элиты (за исключением членов княжеских династий). В данных грамотах князя Ф. А. Стародубского в Троице-Сергиев монастырь, сделанных в 1424 г. и имевших характер жалованных грамот, перечислялись его бояре *Константин Михайлов* и *Федор Михайлов* (возможно, братья) [АСЭИ, 1, 27–28]⁵. Вряд ли в этом случае у стародубского князя стояла задача принизить статус своих бояр. В купчей М. Ф. Крюка Фоминского на село Медно в Новоторжском уезде продавец вотчины был назван *Юрием Онцифоровым*. Это уже упоминавшийся новгородский воевода, сын посадника Онцифора Лукинича, а впоследствии и сам посадник, который по устоявшейся в историографии логике в силу своего статуса должен был обладать отчеством на *-вич* [Там же, 26–27].

В значительной степени преобладание отчеств на *-вич* в летописных текстах отражало сложившуюся традицию. Новгородские берестяные грамоты показывают распространение отчеств с использованием суффиксов *-ин*, *-ов/-ев* в XIV в. Подобные примеры известны и на территории Северо-Восточной Руси.

⁴В синодике московского Успенского собора Д. Минин фигурировал с отчеством *Минич*.

⁵В первой грамоте — *Фатьян Михайлов*, *Константин Михайлов*, *Василий Данилов*, без определения «бояре» [Назаров, 2000, 29–58].

В древнейшем сохранившемся частном акте продавцом вотчины в Белозерье был *Павел Харитонов* [Грязнов, 2012, 35–49]. Свою вотчинную землю в Переславском уезде отводил *Михаил Константинов Дорожаев* [Антонов, Баранов, 1997, 10]. Некий *Иван Петров* («се поставиша Иван Петров») упоминается в документах из архива московских тысяцких Вельяминовых [Бередников, [1844]–1845, 54].

При немногочисленности упоминаний отчеств на *-ин*, *-ов/-ев* и их достаточно позднем появлении в источниках необходимо более тщательно рассмотреть вопрос о времени возникновения представлений о привилегированном характере носителей отчеств на *-вич*. Нужно принимать во внимание, что даже в официальных в делопроизводственных документах практика написания отчеств имела значительные отличия и развивалась в разных направлениях. В зависимости от источника и от роли, в которой выступал тот или иной служилый человек, запись его отчества могла быть представлена в том или ином варианте. Например, землевладельцем Московского уезда в первые годы XVI в. был князь *Федор княж Васильев Телепень Оболенский*. Несколько ранее, в 1492 г., он был отмечен в разрядных книгах в качестве воеводы сторожевого полка в походе на Северу. Как и другие воеводы, он имел в этом случае отчество на *-вич* — *Васильевич* [ДДГ, 390; РК, 1475–1598, 22].

Окончательно представления о привилегированном характере носителей отчеств с окончанием на *-вич* были сформированы начиная по крайней мере со второй половины 1480-х гг. Уже первые записи в литовской посольской книге демонстрируют предельно жесткое отношение к употреблению отчеств с *-вич* [Сб. РИО, 35, 4–12]. Правом на использование этой формы наделялись только родственники великого князя и члены боярской думы, исключая даже казначея Д. В. Ховрина (так же в крымской посольской книге [Сб. РИО, 41, 83]). В первоначальном варианте даже служилые князья русско-литовского порубежья, включая литовских родичей самого Ивана III, акцентированно именовались с отчествами на *-ов*⁶. Несколько позднее в той же посольской книге произошло заметное ослабление позиции. Те же служилые князья (а также Ф. И. Бельский) стали обозначаться с отчествами на *-вич*. Такое правило было применено и в переписке с наместниками.

Менее определенно изменения коснулись дворцовых чинов. Отчество *Володимирович* начало применяться для обозначения казначея Д. В. Ховрина в начале 1494 г. Несколько раз он по инерции был назван *Володимеров* [Сб. РИО, 35, 75, 114–117, 269, 270, 298, 350, 358, 459, 483]. *Юрьевым* именовался один из главных советников Василия III, тверской дворецкий М. Ю. Захарьин. Позднее эта практика реализуется в отношении И. Ю. Шигоны Поджогины, получившего ту

⁶ Князья И. М. Перемышльский, М. Р. Мезецкий, В. Ф. Одоевский, С. И. и А. И. Можайские, С. И. Шемякин.

же должность [Сб. РИО, 53, 203, 206, 226; 35, 506, 508, 511, 514, 516, 532, 575, 578, 582, 587, 597, 850; Зимин, 1988, 185–186, 222–223]⁷.

Отчетливо прослеживается должностной характер присвоения отчеств с *-вич*, что проявилось, например, в записи посольства в Мазовецкое княжество. В описании самого посольства и в грамотах администраторам на местах В. Г. Заболоцкий и В. В. Долматов были обозначены как *Григорьев* и *Васильев* соответственно. В грамотах же, обращенных к Конраду Мазовецкому, ливонскому и прусскому магистрам, оба они фигурировали с отчествами на *-вич* [Сб. РИО, 35, 89–102]. В этой же связи находится применение отчеств на *-вич* в «верющих» грамотах некоторых послов: И. Н. Берсень-Беклемишева, В. Г. Наумова, М. В. Кутузова, М. С. Кляпика-Еропкина и т. д. Такая практика была известна применительно к послам в Крым, обозначаемых для пышности как «бояре». Повышен был статус у П. З. Скурата Станицева, отправленного в качестве «боярина» в Литву [Там же, 163].

Аналогичный подход видим в договорах присоединенного к Москве Новгорода с Ливонским орденом и Швецией. С отчествами на *-вич* здесь были названы «сведенцы», купеческие старосты *Фома Данильевич Саларев* и *Иван Елизарович* [АЗР, 133; ST, 450].

Анализ новгородских писцовых книг конца XV — первых лет XVI в. показывает, что выделение «именитых» людей также производилось в зависимости от занимаемых ими должностей. Новгородские бояре, лишившиеся своих вотчин, были полностью исключены из этого списка, равно как и большинство переселенных в Новгородскую землю представителей титулованной знати и старомосковских боярских родов. Носители отчеств с *-вич* на фоне других помещиков были крайне немногочисленны.

Из них боярами были князья И. Ю. Патрикеев и его племянник Д. В. Щеня, А. В. Оболенский, С. Р. и Д. А. Пенко Ярославские, В. Д. Холмский, Я. З. и Ю. З. Кошкины, А. Ф. Челяднин, В. Б. и И. Б. Тучко Морозовы; окольничим — И. А. Лобан Колычев. В состав боярской думы входили также казначей Д. В. Ховрин и дворецкий М. Я. Русалка. Новгородскими дворецкими были последовательно И. М. Волынский и М. К. Беззубцев. Сложнее вопрос с применением отчества на *-вич* для князей И. Д. Тулупа Палецкого и И. Ф. Ушатога. Оба они в 1492 г. находились среди новгородских воевод, которых предписывалось послать для противодействия литовским отрядам [Сб. РИО, 35, 70].

Князь В. Д. Холмский получил боярство в 1500 г., после женитьбы на Феодосии, дочери Ивана III. В более ранних случаях он упоминается в писцовых книгах как *Данилов*, что свидетельствует об изменении его статуса во время проведения переписи [НПК, 3, 489].

⁷ В разряде свадьбы Василия III 1526 г. М. Ю. Захарьин, второй дружка великого князя, также был обозначен как *Юрьев*. Здесь же фигурировала его жена — *Юрьева жена Захарьина Орина* [РК, 1475–1598, 9].

Кроме того, отчества с *-вич* имели писцы М. И. Валуев и Д. В. Китаев, что отражало принятую с конца 1490-х гг. практику повышения статуса для глав писцовых комиссий [НПК, 3, 1; 4, 1].

В большинстве случаев все перечисленные лица фигурировали с отчествами на *-вич* в писцовых книгах по нескольким пятинам, что исключает ошибку со стороны их составителей или переписчиков.

В разъезде территорий уделов сыновей Ивана III с землями великокняжеского домена в 1504 г. проявился тот же принцип наделения отчествами. В числе землевладельцев с отчествами на *-вич* — боярин (или окольниковый) Г. Ф. Хромой, дворецкий князь П. В. Великий Гагин, удельный боярин князь А. А. Голенин [ДДГ, 386, 390, 397].

Сопоставление с последующими описаниями показывает, что использование отчеств на *-вич* существенно отличалось от принятых несколько десятилетий назад норм. В конце 1530-х — начале 1540-х гг. среди новгородских помещиков отсутствовали представители центральной администрации. Отчества на *-вич* были зафиксированы у местных помещиков второго поколения [ПKNЗ, 4, 79, 148, 163; 5, 80; ПКВП, 14, 41]⁸.

Применительно к князьям Ростовским произошло очевидное переосмысление их статуса. «Задним числом» были изменены отчества у представителей этого рода, владевших поместьями на рубеже XV–XVI вв., — Б. С. Горбатого-Щепина, И. И. Темки, И. А. Хохолкова, И. А. Буйносова [ПKNЗ, 4, 71; ПКВП, 182, 307]. Эта тенденция была связана с формированием новой новгородской знати из числа местных помещиков, которых писцы отделяли от общего массива служилых людей.

Тверская писцовая книга конца 1530 — начала 1540-х гг. показывает, что аналогичные процессы шли на других территориях Русского государства. Некоторые землевладельцы Тверского уезда были записаны с отчествами на *-вич*. Большинство из них — представители московской аристократии из верхних эшелонов государственного двора, хотя и не члены боярской думы [ПМТУ, 13, 28, 90, 93, 101, 106, 117, 132, 134, 136]⁹. Примечательно, что лица из великокняжеского окружения менее родовитого происхождения были записаны с менее престижными вариантами отчеств. Среди них ловчий Ф. М. Нагой и А. А. Квашнин [Там же, 94, 109]. Оба они во второй половине — конце 1540-х гг. стали окольниковыми.

⁸ Князья П. Б. Щепин, И. Ю. Глухой Бритый (вероятно, также А. И. Чепец Лобанов) Ростовские, а также И. И. Колычев, А. В. Квашнин, М. Д. Бутурлин, Б. С., Ф. С. Папа и И. С. Сабуровы. Статус князя Бориса Тебета подчеркивался его фамилией (отчеством?) *Уланович* (в разрядных книгах — *Уланов*).

⁹ Князья С. И. Глинский, Б. Д. и Д. Д. Щепины Оболенские, П. И. Шуйский, Ю. М. Булгаков (Голицын), Д. И., И. И. Пунковы и В. А. Микулинские, С. И. Елецкий (в другом случае — «Иванов»), А. Б. Горбатый, С. В. Ростовский, а также Г. В. Морозов.

Еще больше подобных примеров содержится в тверской дозорной книге первой половины 1550-х гг. Отчества с *-вич* здесь упоминались у большого числа представителей правящей элиты [ПМТУ, 146, 168–171, 183, 188, 237, 240, 241, 243, 246, 248, 252, 256, 260, 261, 276, 283, 285, 287, 309]¹⁰. Этот довольно внушительный перечень интересно сопоставить с современными ему источниками — тысячной книгой 1550 г. и дворовой тетрадью 1550-х гг. В этих списках государева двора в полной мере сохранялась система ранжирования, подчеркиваемая употреблением отчеств на *-вич*. В обоих источниках с подобными вариантами отчеств фигурировало всего несколько лиц из тверской дозорной книги — князь И. Ф. Мстиславский, С. И. Микулинский, И. М. Шуйский, Ю. М. Голицын, Д. И. Курлятев, В. П. Борисов и Ф. И. Умной Колычев [ТКДТ, 54, 111–113].

В обратном направлении шла эволюция системы ранжирования имен в разрядных книгах. Сложность работы с этим типом источников связана с поздним временем их оформления. Сводный текст разрядной книги — Государев разряд — был создан на основе разновременных записей о воеводских назначениях и, вполне вероятно, содержал редакторские правки. На его основе с привлечением ряда других документов формировались частные редакции разрядных книг.

Как уже говорилось, практически все военачальники разного уровня, фигурировавшие в разрядах последних десятилетий XV в., были отмечены с отчествами на *-вич*. Появление других вариантов отчеств у воевод первоначально имело единичный характер. С 1490-х гг. отчества на *-ов/-ев, -ин* начали применяться в отношении воевод удельных князей (князь А. А. Голенин, М. Е. Гусев, В. А. Давыдов, И. Т. Скрябин и т. д.), рязанских князей (*М. Булгак Денисьев, Я. Назарьев, Чевка Васильев Дурного*), которые, очевидно имели более низкий ранг, чем великокняжеские воеводы. Указанное разделение имело исключения. Во всех случаях с отчеством на *-вич* выступал воевода Юрия Дмитровского князь Д. Д. Хромой Ярославский, который, очевидно, обладал высоким индивидуальным статусом [РК, 1475–1598, 24, 32, 35, 36, 37, 38, 45, 52].

Постепенно варианты отчества на *-ов/-ев, -ин* получили распространение для обозначения предводителей небольших отрядов служилых людей и прикомандированных к воеводам детей боярских. То же правило стало применяться ко вторым и третьим воеводам в полках, реже — к первым воеводам во второстепенных разрядах, хотя и не имело всеобщего характера.

Сложнее обстояло дело с фиксацией лиц из великокняжеского окружения. Отчества на *-вич* выступали в этом случае в качестве маркера статуса придворных

¹⁰ Князь Н. В., В. В. и И. В. (его жена) Чернятинские, В. А., И. А. (его жена), С. И. и Д. И. Пунковы Микулинские, Д. И. Хованский, И. М. Шуйский, А. И. и его сын Иван Золотые, Д. Д. и И. Д. Щепины, Д. И. Курлятев Оболенские, Ю. М. Голицын, И. И. и И. А. (его жена) Дорогобужские, А. Д. Ростовский, И. Ф. Мстиславский, а также Н. В. и Т. В., В. П., В. М. Машуткин Борисовы, И. Ю. Шигона Поджогин (его жена), И. Д. Воронцов, И. Ф. Карпов, Ф. И. Умной Колычев, И. Ф. Ларев, И. Г. Плещеев.

должностей и отдельных лиц в иерархии чинов. В первом полном разряде, отразившем состав государева двора, — записи о поездке в Новгород «миром» 1495 г. — отчества отсутствовали у ясельничих и постельничих¹¹.

В 1510 г. принципы использования отчеств не имели полного единообразия. Среди ловчих, например, присутствовали *Михаил Иванович Нагой* и *Давыд Григорьев Проест*. С отчеством на *-вич* выступал сокольничий М. С. Кляпик Еропкин, в то время как постельничие были обозначены либо без отчества (А. Картмазов), либо использовали его менее престижный вариант (И. Д. Бобров). Те же ловчие и с тем же написанием их отчеств были отмечены в разряде 1513 г. о поездке Василия III к Смоленску. Стоит предположить, что эти особенности были связаны с близостью названных лиц к персоне великого князя [РК, 1475–1598, 44, 49; Зимин, 1988, 233]. Не исключено, впрочем, что в этом случае имела место работа более поздних редакторов. В частной разрядной книге постельничие, сокольничий, ясельничие и ловчие из разряда 1510 г. не имели статусных вариантов отчеств [РК, 1475–1605, 113].

В зимнем походе на Казань 1549 г. ситуация выглядела уже по-другому. С отчеством на *-вич* выступает постельничий А. В. Мансуров. Записанный ниже ясельничий В. Г. Афанасьев Дровнин довольствовался отчеством *Григорьев*. Итог подобной эволюции был представлен в дворовой тетради. Постельничие и сокольничий И. Ф. Жокула Наумов имели здесь отчества на *-вич*, а ясельничие отсутствовали как придворный чин [РК, 1475–1598, 123; ТКДТ, 115, 117]¹².

В рубрике «Князи и дети боярские» из новгородского разряда 1495 г. были объединены лица, занимавшие разное положение. Служилым князем был Ф. И. Бельский. Высоким статусом, судя по его месту в общем списке, обладал также сын боярина И. Ю. Патрикеева Иван Мунында. Записанные ниже князья И. М. Репня-Оболенский и князья Холмские были отмечены с менее престижными вариантами отчеств. После них начиналось перечисление членов княжеских родовых корпораций. Их лидеры, князья Д. С. Щепя Оболенский, А. И. Хохолок и А. В. Ростовские, были обозначены с отчествами на *-вич*, а большинство рядовых членов или не имело отчеств, или пользовалось отчествами на *-ин*, *-ов/-ев* [РК, 1475–1598, 25].

Очевидно, эта градация отражала реальные различия в восприятии статуса названных лиц в придворной среде. По аналогии с предыдущим примером привлечение более поздних списков государева двора показывает, что спустя полвека подход к княжеским корпорациям претерпел изменения. В перечне князей и детей боярских на приеме литовских послов в 1542 г. с отчествами на *-вич* были названы служилые князья Р. И. Одоевский, С. И. Трубецкой, В. И., М. И.

¹¹ В посольской записи об отправке в Литву великой княжны Елены стольники, конюшие и ясельничие были представлены с менее престижными вариантами отчеств [Сб. РИО, 35, 164–165].

¹² В указной грамоте 1525 г. ясельничие были обозначены с отчествами на *-ов* [АРГ, 256].

и А. И. Воротынские. Среди членов княжеских корпораций в этом ряду оказались их наиболее видные представители: Д. И. Курлятев и В. Ф. Лопатин Оболенские, Ю. И. Темкин Ростовский, П. И. Шуйский [Сб. РИО, 59, 147].

Та же тенденция была продолжена в дворовой тетради. Среди служилых князей с отчествами на *-вич* были перечислены И. Д. Бельский, С. И. и Б. А. Трубецкие. Характерно, что даже среди служилых князей отчества на *-вич* были присвоены только лицам из верхней части списка. Все перечисленные ниже персонажи, включая названных ранее князей М. И. и А. И. Воротынских, имели отчества на *-ин*, *-ов/-ев*. Заметному изменению подверглось написание отчеств и у членов княжеских корпораций. Отчество на *-вич* имел только первый из князей Ярославских, И. В. Пенков. Такое положение, скорее всего, было связано со значительным уменьшением роли и значения служилых князей и княжеских корпораций в придворной иерархии. В боярском списке 1588/1589 г. все представители этих категорий обозначались только с непривилегированными вариантами отчеств [ТКДТ, 117–118; Бенцианов, 2021, 56–93; Станиславский, 2004, 212–216].

Исключительно с *-вич* обозначались отчества наместников крупнейших городов в указных грамотах.

Отмеченная практика не была строго регламентирована. Очень многое зависело от отвечавших за ведение делопроизводственных документов подьячих, которые могли в некоторых случаях применять разные варианты отчеств в отношении одного и того же человека. Тем не менее существовали критерии, которые позволяли подчеркнуть статус. В большинстве случаев они были связаны с занимаемыми должностями или выполняемыми поручениями, реже обозначали принадлежность к определенным наследственным группам внутри государева двора (служилые князья, лидеры княжеских корпораций). Вполне вероятно, что принимались во внимание также близость к персоне великого князя и возраст упомянутого лица.

Система ранжирования, маркером которой выступали отчества на *-вич*, появилась явно значительно ранее 1480-х гг., когда она была зафиксирована в посольских книгах. Ее жесткость (при размывании в последующие годы) свидетельствует о сравнительно недолгом сроке функционирования.

Эволюция этой системы достаточно четко прослеживается в московских официальных летописях второй половины XV в. В Никаноровской (доведена до 1471 г.) и Вологодско-Пермской летописях персонажи с отчествами на *-ин*, *-ов/-ев* начинают появляться при описании событий начиная с 1430 г. Первым из них стал мценский воевода *Григорий Протасьев*. В 1441 г. упоминается приближенный князя Дмитрия Красного *Денисий Фомин*. Оба эти примера примечательны для понимания редакторских правок, внесенных при составлении общего для этих летописей протографа. Ранее, в другом контексте Г. Протасьев фигурировал как *Григорий Протасьевич* [ПСРЛ, 1962, 100, 102, 107; ПСРЛ, 1959,

186, 194]¹³. Д. Фомин был крупным галицким вотчинником и, вероятно, входил в состав местного боярства. Известен его вклад в Успенский Паисьев монастырь. В данной грамоте он называл себя *Денисий Фоминич* [Антонов, Баранов, 1998, 37].

В дальнейшем количество употреблений патронимов на *-ин, -ов/-ев* значительно возрастает. С середины 1440-х гг. можно говорить о различном восприятии статуса названных лиц. Среди детей боярских, которые хотели «князя великого выняти» в 1446 г., был *Семен Филимонов* с детьми. Это совсем не рядовой член княжеского двора: Филимоновы были ближайшими родственниками Морозовых, а Я. К. Жест-Филимонов, племянник Семена, был боярином и дворецким у князя Юрия Звенигородского. Тем не менее отчество *Филимонов* в этом случае имело вполне определенный характер. Все сыновья Семена в разных источниках официального характера также писались с отчеством на *-ов*. *Глеб Семенов* был одним из воевод на Вятке, которому вятчане «трижды крест целовав». *Роман Семенов Филимонов* отмечен среди погибших в 1445 г. в Суздальском бою в синодике московского Успенского собора [ПСРЛ, 1962, 112, 125; РИБ, 592; Веселовский, 1963, 208–209; ПИРСС, 172]. Очевидно, что уже в 1440-е гг. эта ветвь Филимоновых выбыла из боярской среды.

В 1447 г. упоминается гонец *Дмитрий Андреев*, на Коломне был убит *Ромодан Зиновьев* [ПСРЛ, 1962, 113, 116]. С подобными вариантами отчеств были перечислены дети боярские князя Василия Ярославича, пытавшиеся освободить его из заточения. Среди них *Володя Давыдов* — представитель боярского рода Александра Нетши [Там же, 123; Веселовский, 1963, 451–452]¹⁴.

Наиболее отчетливо отмеченная тенденция проявилась при упоминании новгородских и псковских бояр. Как и в более поздних новгородских писцовых книгах, все они упоминались с упрощенными вариантами отчеств — *Никита Ларионов, Панфил Селифонтов, Кирилл Иванов Макарьин, Дмитрий Исаков Борецкий, Кузьма Григорьев, Яков Федоров* [ПСРЛ, 1962, 129, 130, 133, 134, 135].

Отмеченные особенности имеют место и в московском летописном своде конца XV в., т. е. они приобрели характер устойчивой традиции. Стоит сказать, что система ранжирования статуса лиц через отчества в летописных источниках долгое время не была такой прямолинейной, как в Литовской посольской книге. Дети боярские, участники похода на Казань 1469 г., были записаны с отчествами на *-вич* — *Иван Гаврилович (Заболоцкий), Тимофей Михайлович Юрло (Плещеев), Федор Борисович Брюхо (Морозов)* [ПСРЛ, 1949, 281].

В неофициальном летописании Северо-Восточной Руси второй половины XV в. употребление отчеств в целом вписывалось в указанные рамки, хотя

¹³ В Софийской первой летописи и в летописи Лавровского Г. Протасьев в том же известии фигурирует как *Протасьевич* [ПСРЛ, 1994, 143; 2018, 79].

¹⁴ Володя Давыдов ранее привозил список «докончания» сына князя Василия Ярославича, Ивана, с Иваном Можайским.

и отличалось известной вариативностью. В Ермолинской летописи при описании деятельности самого В. Д. Ермолина он неизменно выступал с отчеством *Дмитриев*. С полным отчеством были названы С. О. и Г. С. («новгородский боярин») Горсткины, И. В. Ощера (в качестве сына боярского), Г. М. Перхушков, которые по своему положению ощутимо не дотягивали до уровня бояр. С другой стороны, как *Андрей Дмитриев* фигурировал боярин Ивана Можайского [ПСРЛ, 1910, 151, 156, 157–160]¹⁵.

В сокращенном летописном своде 1493 г. встречается *Иван Дмитриевич Руно*, выбранный в 1469 г. предводителем русской рати под Казанью. Он в это время также был сыном боярским [ПСРЛ, 1962, 277].

Синодик московского Успенского собора, в котором присутствовали поминования «избиенным» русским воинам, подтверждает отмеченные особенности употребления отчеств. В записях XIV в., как и в целом для именованых представителей семей, отраженных в его тексте, присутствовали только отчества на *-вич*. Среди поминаний XV в. единичный пример использования отчества на *-ин* появился в группе погибших в битве под Белевом (1437) — *Иоанну Микулину*. В этом случае, однако, могла иметь место ошибка переписчика. Все поминаемые после него лица имели здесь отчества на *-вич*. В 1440-е гг. в синодике появляется целый ряд имен, обозначенных с отчествами на *-ин*, *-ов/-ев* [ПИРСС, 171, 172].

Разница между ними и лицами с отчествами на *-вич* проявилась в поминании погибших в Суздальском бою (1445), которая с большой долей вероятности имела официальный характер. Отчества на *-ов* и *-ин* возникают в конце списка, среди массы служилых людей, упомянутых только по имени. Число подобных отчеств заметно уступает количеству отчеств на *-вич*. Не считая носителей княжеского титула, всего насчитывается 11 имен с отчеством на *-вич* против шести с суффиксами *-ов* и *-ин*, что, несомненно, свидетельствует о начальной стадии возникновения упомянутой системы ранжирования. Важно отметить, что представители одной и той же семьи — *Иван Борисович Плещеев* и *Иван Иванов Плещеев* (его сын) — имели уже разный статус. Не исключено, что это объяснялось их возрастом. Отец *Александра Ананьина* позднее был конюшим у великой княгини Марии Ярославны (после 1462 г.) [ПИРСС, 172; РК, 296].

Более позднее развитие этого вектора представлено в списке погибших при взятии Казани (1485). Все дети боярские здесь записаны с отчествами на *-ин*, *-ов/-ев* — в отличие от «именитых» воевод, князей Ю. Д. Ростовского и Ю. Ф. Ушатого [ПИРСС, 174–174].

Можно предположить, что формирование официально признанной системы ранжирования служилых людей, маркером которой выступало написание отчеств,

¹⁵ В данной грамоте в белозерский Ферапонтов монастырь Г. М. Перхушков называл себя *Григорий Михайлов* [АСЭИ, 2, 309–310].

ведет свой отсчет с 1440-х гг. Сама же эта система к началу 1470-х гг. уже обладала характерными чертами.

Очевидным представляется также предположение о том, что указанная система опиралась на более раннюю традицию, в которой отчества на *-вич* рассматривались как более престижные. Именно этим объясняется их широкое бытование в жалованных грамотах. С такими отчествами в XIV — первой половине XV в. фигурировали члены княжеских династий, бояре великих и удельных князей и митрополитов, в том числе бояре введенные и путные (чашники, стольники, конюшие), дворецкие, казначеи (в Рязани), наместники и воеводы.

Нередко отчества на *-вич* имели и другие должностные лица. В актах княжеских канцелярий именно так часто обозначались дьяки. В уделе Андрея Углицкого известны были дьяки *Александр Васильевич Карамышев* (одновременно наместник Бежецкого верха) и *Семен Васильевич*, у великой княгини Марии Ярославны — *Василий Иванович Беда* и *Яков Дмитриевич Кочергин*, у Михаила Верейского — *Иван Дмитриевич Ципля*, на великокняжеской службе — *Федор Семенович*, *Алексей Полуектович*, *Василий Иванович* [АСЭИ, 1, 272, 290; 2, 168, 365, 370, 384; 3, 86, 88].

Сами дьяки вопреки позднейшим местническим предубеждениям не стеснялись признавать за собой высокий статус. С отчеством на *-вич* именовали себя дьяк великой княгини *Никифор Демидович* и великокняжеские дьяки В. И. Долматов и А. Полуектов. Так же поступил Р. Алексеев, в купчей на землю обозначивший себя как *Романа Алексеевича* [АСЭИ, 1, 291, 304; 2, 148; 3, 214]¹⁶.

В Верейско-Белозерском уделе отчество на *-вич* могли иметь некоторые дети боярские, выступавшие как представители своего князя, — В. Ф. Безнос, А. А. Сорога Монастыревы, Я. И. Рязанец. В Белозерье отчество на *-вич* зафиксировано у волостеля рубежа XIV–XV вв. *Василия Васильевича* [Кобрин, 1970, 409; Стрельников, 2011, 136; АСЭИ, 2, 29].

Единственный раз с полным вариантом отчества был обозначен тиун великой княгини Марии Ярославны А. И. Бобоша Воронин. Грамота была составлена дьяком князя М. И. Деева и, возможно, отражала его личное восприятие статуса задействованных в разъезде лиц [АСЭИ, 1, 318].

С 1490-х гг. отчества с *-вич* присваивались главам писцовых комиссий на время исполнения ими служебных обязанностей. Разъездчики пользовались им в некоторых случаях и в предшествующие десятилетия.

В документах неофициального характера использование отчеств на *-вич* часто было не столько отражением реального социального статуса, сколько стремлением продемонстрировать высокий авторитет их носителей в кругу родственников или в рамках местного сообщества. Акты XV в. далеко не всегда позволяют идентифицировать названных в них лиц, в том числе использующих

¹⁶ *Роман Алексеевич* известен по синодику ризницы Троице-Сергиева монастыря.

для своего обозначения полные варианты отчеств (что само по себе показательно). Тем не менее удастся найти достаточное количество примеров, подтверждающих это заключение.

Например, в семье переславских вотчинников Ворониных отмечалось интересное чередование отчеств. В данной *Василия Яковлева Воронина* в Троице-Сергиев монастырь послухом был назван его брат *Кузьма Яковлевич*. Когда же, в свою очередь, вклад сделал *Кузьма Яковлев Воронин*, то послухом у него оказался уже *Василий Яковлевич*. В завещании А. Я. Воронина фигурировал также «брат мой *Андрей Яковлевич*». Безусловно, в этом случае братья старались продемонстрировать взаимное уважение друг к другу [АСЭИ, 1, 45, 46, 50].

В 1472 г. была составлена духовная грамота *Александра Федосеева Белеутова*. Сам он, по всей видимости, оценивал себя достаточно скромно, что объяснялось его недавним (обратным) выездом из Литвы. При этом он счел необходимым подчеркнуть положение своих родственников. В этом завещании отчества на *-вич* были указаны у его «господина» — дяди Ф. А. Белеутова, «братьев» — пятерых Белеутовых разных ветвей, «шурьев» — Ф. В. и Н. В. Беклемишевых, и даже у зятя — *Петра Есиповича* [АСЭИ, 3, 98–100]. Только некоторые из названных лиц в указанное время действительно обладали высоким статусом. Позднее, уже в начале XVI в., В. А. Сотницкий так же назначал душеприказчиком дядю *Ивана Михайловича* [Там же, 45б].

В 1440-е гг. была составлена данная грамота в Троице-Сергиев монастырь углицкого вотчинника и дьяка Ивана Можайского И. В. Кулударя Ирежского по приказу отца *Володимера Ивановича*. Та же закономерность прослеживается у Бобровых. В купчей *Ивана Дмитриева Боброва* у брата Василия говорилось о благословении отца *Дмитрия Васильевича*. Послухом в сделке выступал их брат *Денисий Дмитриевич* [АСЭИ, 1, 163, 367–368].

Как и столетия спустя, высокое положение мужа стремились подчеркнуть женщины, в том числе из среды служилых людей невысокого ранга [АФЗХ, 104, 110, 119–120].

Большое значение имела самооценка лиц, претендовавших на «высокий» статус. Характерной является купчая 1491/1492 г., по которой казначей Д. В. Ховрин приобрел вотчину у купца — сурожанина Ф. Д. Саларева. В самом акте продавец в соответствии со своим действительным статусом был обозначен как *Федор Данилов*. В подтверждении сделки, однако, Ф. Д. Саларев счел необходимым указать себя уже с отчеством *Данилович* [АСЭИ, 1, 444]. С престижным отчеством уже на «законных» основаниях — как купеческий староста — он фигурировал в договорах Новгорода с Ливонским орденом и Швецией.

В 1490 г. была составлена духовная грамота коломенского вотчинника *Семена Ивановича Хлопова*. Его потомки служили по «дворовому» списку. Сам он, скорее всего, также принадлежал к числу дворовых детей боярских, но явно не выделялся в служебном отношении [Антонов, 1999, 3–9].

Высокой была самооценка у Я. З. Кошкина. В 1493 г. новгородские наместники Я. З. Кошкин и П. М. Плещеев писали Ивану III о получении ими послания от Я. Ю. Забережского. В соответствии со сложившейся практикой уничижительного именованя они в обращении к великому князю называли себя *холопи*. При этом, однако, Я. З. Кошкин фигурировал в этой «челобитной» со статусным отчеством — *Яков Захарьич*, П. М. Челяднин же ограничился вариантом на *-ов* — *Петр Михайлов* [Сб. РИО, 35, 85]. Так же Я. З. Кошкин фигурировал и в других «челобитных».

Обратной стороной медали могло быть осознанное занижение своего социального статуса, что было особенно характерно для лиц духовного звания. Так, Г. И. Бутурлин, представитель видного боярского рода и, вероятно, прежде боярин Андрея Радонежского, приняв постриг в Троице-Сергиевом монастыре, стал именовать себя *Генадей чернец Иванов Бутурлин* [АСЭИ, 1, 37, 55; Назаров, 1999, 180–189].

Принимая во внимание большое число возможных причин использования отчеств на *-вич* в актах XIV–XV вв., необходимо рассматривать такие примеры в более широком контексте. Единичные употребления подобных отчеств вряд ли могут подтвердить высокий статус их носителей. Сопоставление данных о землевладении самих этих лиц и их ближайших родственников, служебных достижениях их потомков позволяет существенно сузить круг людей, которые могут быть отнесены к элите местных сообществ. Маловероятно, что на эту роль претендовали такие персонажи, как *Михаил Елизарович Редриков*, *Александр Алферьевич Лапоть*, *Никифор Васильевич Кренин*, *Нестор Иванович Катунин* и целый ряд других лиц, известных в качестве послухов. Эта ситуация находит параллели в северных (двинских) грамотах XV в., где среди «добрых» людей фигурировало большое число местных крестьян, которые в силу каких-то личных качеств пользовались уважением в своем кругу. Использование «именитыми» людьми отчеств на *-вич* часто объяснялось субъективными причинами и не распространялось на именование их ближайших родственников и потомков.

С течением времени в актах прослеживается тенденция к постепенному отказу от отчеств с *-вич* у представителей боярских семей, терявших свой статус. В 1480 г. послухом в деловой грамоте князей Кемских был *Александр Васильев Плещеев*. В 1478/1479 г. на разъезде земель Симонова монастыря присутствовали *Василий Никитин Пушкин* и *Федор Михайлов Тушин*. В 1480-е гг. утратили полные отчества дмитровские бояре Кушелевы [АСЭИ, 2, 148, 400; 1, 306].

Очень вероятно, что эта тенденция была связана с введением обязательной службы и выстраиванием на ее основе более четкой иерархии внутри местных сообществ служилых землевладельцев. Соответствующим образом менялась и самооценка служилых людей. Уже говорилось о братьях Бобровых. И. Д. и В. Д. Бобровы именовали себя уже с отчествами на *-ев*, в то время как их

отец — Д. В. Бобр — в 1460-е гг. неизменно называл себя с отчеством на *-вич* [АРГ, 41; АСЭИ, 1, 243, 283, 367–368].

Показательно сравнение использования отчеств на *-вич* в поручных записях по виднейшим членам государева двора конца XV – XVI в. Единственным известным поручителем по князе Д. Д. Холмском в 1474 г. был *Иван Микитич Воронцов*, бывший боярин Юрия Дмитровского [АСЭИ, 3, 36]. В 1527 г. князя М. Л. Глинского «выручали» уже 47 человек. Пятеро из них (10,6 % от общего числа) были записаны с отчеством на *-вич*.

В записях о поручительстве и в последующем их подтверждении перед боярами имеются некоторые расхождения. М. Ю. Захарьин в первом случае был обозначен с отчеством *Юрьев*, а во втором — уже как *Юрьевич*. Изучение этой поручной записи показывает, что поиск поручителей производился на протяжении достаточно длительного времени. Не исключено, что к моменту ее подтверждения М. Ю. Захарьин уже существенно повысил свой статус. К июню 1527 г. он точно известен как боярин. Ранее, в качестве тверского дворецкого, этот приближенный Василия III обозначался с отчеством на *-ев* [Антонов, 2004, 9–12].

Из пяти поручителей, обозначенных с отчеством на *-вич*, двое — И. Г. Поплевин Морозов и его родственник М. В. Тучков — были окольными. Трое других поручителей, которые занимали три первых места в поручной записи, попали сюда по родству с М. Л. Глинским. Князь И. Д. Хомяк Пенков был женат на его племяннице Марии, сестре Елены Глинской. Сам Михаил Глинский после освобождения женился на Елене Телепневой-Оболенской, которая приходилась племянницей князя Ф. В. Овчины Оболенского. Этот брак, очевидно, планировался заранее, еще до формального подтверждения поручной записи [Зимин, 1988, 92–93, 185–187, 234–235, 240].

В поручной грамоте следующего, 1528 г. по князьям Шуйским («*Михайловы дети*») среди 30 поручителей, имевших в целом менее знатное происхождение, наблюдалась примерно такая же картина. Отчества на *-вич* имели только трое первых поручителей (10 %) [Антонов, 2004, 11–12].

Отмеченная закономерность проявлялась и в других поручных записях, где поручители, представители аристократических фамилий, довольствовались в основном отчествами на *-ин*, *-ов/-ев*. Существенное увеличение количества отчеств на *-вич* фиксируется в поручной записи 1547 г. по князе И. И. Пронском (18 из 34 поручителей — 52,9 %), что было связано с особенностями ее составления. Все отмеченные поручители входили в аристократическую группу, которая в этом документе резко противопоставлялась остальным задействованным лицам из числа дворовых детей боярских и дьяков [Там же, 13–16].

В 1560-е гг. происходит осязаемое падение количества отчеств на *-вич* в поручных записях. Подобные перепады, безусловно, были связаны с особенностями отношений членов государева двора с царской властью, трансформировавшихся в разные годы правления Ивана IV.

Изменившееся самосознание при определении своего официального статуса наглядно проявилось в подписях к приговору Земского собора 1566 г. Все члены боярской думы были перечислены здесь с полными вариантами отчеств. В пояснительных записях к заверению этого документа, однако, фигурировали *Василий Михайлов* (В. М. Юрьев), *Иван Петров Яковлев*, *Иван Петров Федоров*, *Никита Романов* (Юрьев-Захарьин), *Василий Дмитриев* (Данилов), *Семен Васильев* (Яковлев). Только М. Я. Морозов обозначил себя с отчеством на *-вич* [АЗС, 3, 11]. В близких по времени поручных записях по И. В. Большому Шереметеву (1564) и князе М. И. Воротыньскому (1566) боярин и конюший И. П. Федоров также именовал себя как *Иван Петров* [Антонов, 2004, 31, 58].

* * *

Приведенные примеры свидетельствуют о сложности и неоднозначности употребления отчеств на *-вич* в источниках XIV–XVI вв. Использование их в качестве социального маркера имело ограниченный характер и значительно варьировало в зависимости от контекста и особенностей того или иного документа. Наиболее отчетливо их «социальная» составляющая проявлялась в делопроизводственных документах и летописях официального характера, комплексное привлечение которых дает возможность определить особенности статуса отдельных лиц и должностных групп в системе государева двора и их близость к персоне государя. При этом необходимо понимать, что сами делопроизводственные источники имели разное происхождение и развивались в течение длительного времени.

Большое значение имеет также изучение распространенности использования отчеств на *-вич* в источниках неофициального происхождения для понимания социальной самоидентификации слоев русского общества в разные периоды его развития.

Источники

- АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. СПб. : Тип. 2-го отд. Собств. Е. И. В. канц., 1846.
- АЗС — Акты, относящиеся к истории земских соборов / ред. Ю. В. Готье. М. : Изд. Н. Н. Ключкова, 1909.
- Антонов А. В. Духовная Семена Ивановича Хлопова 1490 года // Русский дипломатарий. 1999. Вып. 5. С. 3–9.
- Антонов А. В. Поручные записи 1527–1571 годов // Русский дипломатарий. 2004. Вып. 10. С. 8–79.
- Антонов А. В., Баранов К. В. Неизвестные акты XIV–XVI века из архива Московского Чудова монастыря // Русский дипломатарий. 1997. Вып. 2. С. 3–22.
- Антонов А. В., Баранов К. В. Акты из архивов русских монастырей и церквей // Русский дипломатарий. 1998. Вып. 3. С. 3–44.
- АРГ — Акты Русского государства 1505–1526 гг. / сост. С. Б. Веселовский. М. : Наука, 1975.

- АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV — начала XVI в. : в 3 т. / отв. ред. Б. Д. Греков, сост. И. А. Голубцов. М. : Изд-во АН СССР, 1952–1964.
- АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков : в 2 ч. / подг. А. А. Зимин. М. : Изд-во АН СССР, 1956. Ч. 2.
- Бередников Я. И.* Записка об открытых в Московском Кремле древностях // *Bulletin de la Classe historico-philologique de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg.* [1844]–1845. Т. 2, № 4, 5 (28, 29). Col. 49–60.
- ДАИ — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб. : Тип. Эксп. заготовления гос. бумаг, 1846. Т. 1.
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / подг. Л. В. Черепнин. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950.
- Кобрин В. Б.* Грамоты XIV–XV вв. из архива Кирилло-Белозерского монастыря // *Археографический ежегодник.* 1970. № 4. С. 406–410.
- НПК — Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею. Т. 3. : Переписная оброчная книга Вотской пятины 1500 года. Первая половина. СПб. : Тип. В. Безобразова, 1868 ; Т. 4 : Переписные оброчные книги Шелонской пятины. СПб. : Тип. МВД, 1886.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / ред. А. Н. Насонов. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950.
- ПИГ — Послания Ивана Грозного / подг. Д. С. Лихачев, Я. С. Лурье. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951.
- ПИРСС — Памятники истории Русского служилого сословия / сост. А. В. Антонов. М. : Древлехранилище, 2011.
- ПКВП — Писцовая книга Вотской пятины 1539 г. / ред. А. М. Гневушев. Новгород : Новгород. ученая архив. комис., 1917. Вып. 1.
- ПКНЗ — Писцовые книги Новгородской земли. Т. 4 : Писцовые книги Деревской пятины 1530–1540-х гг. / сост. К. В. Баранов. М. : Древлехранилище, 2004 ; Т. 5 : Писцовые книги Деревской пятины 1550–1560-х гг. / сост. К. В. Баранов. М. : Древлехранилище, 2004.
- ПМТУ — Писцовые материалы Тверского уезда XVI века / сост. А. В. Антонов. М. : Древлехранилище, 2005.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 23 : Ермолинская летопись. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1910 ; Т. 1. Вып. 1 : Повесть временных лет. Л. : Изд-во АН СССР, 1926 ; Т. 25 : Московский летописный свод конца XV в. / ред. М. Н. Тихомиров. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949 ; Т. 26 : Вологодско-Пермская летопись / ред. М. Н. Тихомиров. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959 ; Т. 27 : Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в. / ред. А. Н. Насонов. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962 ; Т. 39 : Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского / ред. В. И. Буганов, Б. М. Клосс. М. : Наука, 1994 ; Т. 46 : Летопись Лавровского / сост. А. Е. Жуков. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2018.
- РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 6 : Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1 : Памятники XI–XV вв. СПб. : Тип. Имп. АН, 1880.
- РК — Родословная книга князей и дворян российских и выезжих : в 2 ч. М. : Тип. Н. Новикова, 1787. Ч. 2.
- РК 1475–1598 — Разрядная книга 1475–1598 гг. / ред. В. И. Буганов. М. : Наука, 1966.
- РК 1475–1605 — Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1–2 / ред. В. И. Буганов. М. : Ин-т истории СССР, 1977.

- РР — Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: провинциальное служилое дворянство (Великий Новгород) / публ. Л. Е. Шабаева // Российская генеалогия. Исторический альманах. 2021. Вып. 9. С. 177–261.
- Сб. РИО, 35 — Сборник Императорского Русского исторического общества / ред. Г. Ф. Карпов. Т. 35 : Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Ч. 1 : 1487–1533 гг. СПб. : Тип. Ф. Г. Елеонского, 1882 ; Т. 41 : Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Ногайской ордами и с Турцией. Ч. 1 : С 1474 по 1505 год. Эпоха свержения монгольского ига в России. СПб. : Тип. Ф. Г. Елеонского, 1884 ; Т. 53 : Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Немецким орденом в Пруссии 1516–1520 гг. СПб. : Тип. Ф. Г. Елеонского, 1887 ; Т. 59 : Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Ч. 2 : 1533–1560 гг. СПб. : Тип. Ф. Г. Елеонского, 1887.
- Стрельников С. В.* Грамоты XV — начала XVI века из архива Кирилло-Белозерского монастыря // Русское Средневековье : сб. ст. в честь проф. Ю. Г. Алексева. М. : Древлехранилище, 2011. С. 111–127.
- ТКДГ — Тысячная книга 1550 г. и дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. / подг. А. А. Зимин. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950.
- Штаден Г.* Записки о Московии : в 2 т. М. : Древлехранилище, 2009.
- ST — Sveriges traktater med frammande makter. Bd. 3 / Utg. O. S. Rydberg. Stockholm : Kungl Boktryckeriet, P. A. Norstedt & Soner, 1895.

Исследования

- Бенцианов М. М.* Служилые элиты Московского государства. Формирование, статус, интеграция. XV–XVI вв. М. : Центрполиграф, 2021.
- Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М. : Наука, 1963.
- Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев : Наукова думка, 1966.
- Гиппиус А. А., Михеев С. Н.* «Убийцы великого князя Андрея»: Надпись об убийстве Андрея Боголюбского из Переяславля-Залесского // Slověne. 2020. Vol. 9, № 2. С. 63–102. <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2020.9.2.3>
- Грязнов А. Л.* Купчая Павла Харитоновна: землевладение на Белоозере в эпоху Куликовской битвы // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 2 (48). С. 35–49.
- Гуськов А. Г.* Новые сведения к биографии А. А. Винуса в 1693 году // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании : материалы XXXII Международ. науч. конф. (Москва, 11–12 апреля 2019 г.) / отв. ред. И. Г. Коновалова, Е. В. Пчелов. М. : ИВИ РАН, 2019. С. 125–127.
- Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М. : Наука, 1988.
- Карнович Е. П.* Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1886.
- Кобрин В. Б.* Опричнина, генеалогия, антропонимика. М. : РГГУ, 2008.
- Королева И. А.* Становление русской антропонимической системы : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Моск. пед. гос. ун-т. М., 2000.

- Либерман А.* О начале войн и смут в Московии. М. : Фонд Сергея Дубова : Рита-Принт, 1997.
- Медынцева А. А.* Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора XI–XIV веков. М. : Прогресс, 1978.
- Назаров В. Д.* Разыскания о древнейших грамотах Троице-Сергиева монастыря. III. Троицкий старец Геннадий Бутурлин // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В. Т. Пашуто / под ред. Т. Н. Джаксон, Е. А. Мельниковой. М. : Языки русской культуры, 1999. С. 180–189.
- Назаров В. Д.* Разыскания о древнейших грамотах Троице-Сергиева монастыря. Вклад князя Федора Андреевича Стародубского // Троице-Сергиева Лавра в истории, культуре и духовной России / ред. Т. Н. Манушина, С. В. Николаева. М. : Подкова, 2000. С. 29–58.
- Пономарева И. Г.* История одного выезда на московскую службу (о предках Чаадаевых) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 4 (22). С. 41–50.
- Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950.
- Савосичев А. Ю.* Дьяки и подьячие XIV — первой трети XVI в.: происхождение и социальные связи. Опыт просопографического исследования. Орел : ОГУ, 2013.
- Станиславский А. Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М. : РГГУ, 2004.
- Успенский Б. А.* Избранные труды : в 2 т. Т. 2 : Язык и культура. М. : Гнозис, 1994.
- Успенский Ф. Б.* Скандинавы. Варяги. Русь: Историко-филологические очерки. М. : Языки славянской культуры, 2002.
- Чернов С. З.* Три семьи радонежских бояр // Русское Средневековье : сб. ст. в честь проф. Ю. Г. Алексеева / отв. ред. А. Ю. Дворниченко. М. : Древлехранилище, 2011. С. 653–711.
- Чичагов В. К.* Из истории русских отчеств и фамилий (вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв.). М. : Учпедгиз, 1959.

Рукопись поступила в редакцию 26.02.2023

Рукопись принята к печати 01.09.2023

* * *

Бенцианов Михаил Михайлович

кандидат исторических наук,
независимый исследователь
Екатеринбург
E-mail: bmm4@yandex.ru

Bentsianov, Mikhail Mikhailovich

PhD, Independent Researcher
Ekaterinburg, Russia
E-mail: bmm4@yandex.ru
<http://orcid.org/0009-0007-7450-6222>

Mikhail M. Bentsianov

Independent Researcher
Ekaterinburg, Russia

**PATRONYMIC NAMES ENDING IN *-VICH*
AS A MARKER OF SOCIAL STATUS IN THE DOCUMENTS
OF THE RUSSIAN STATE OF THE 14th–16th CENTURIES**

The widely held opinion in historical literature about the privileged status of patronymics ending in *-vich* is based on the sources of the 16th–17th c. This practice reflected the official look at the system of social hierarchy. In clerical documents, it appears from the 1480s, while in the official chronicles and in the synodics of the Moscow Assumption Cathedral — not earlier than the 1440s. Yet it was only in the middle of the 16th c. that the use of full variants of patronymics was commonly regarded in clerical literature as a sign of belonging to the upper strata of the ruling elite. Sources of private origin show the widespread existence of patronymics ending in *-vich* as a sign of respect (high self-esteem). The use of such patronymics was widespread in the 12th — first half of the 15th c. and did not always reflect the real status of the owners. In subsequent centuries, there were some cases of these patronymics used among people of low social status, although their number significantly decreased. Already from the second half of the 15th c., the descendants of boyar (and then princely) families of low official rank began to massively use abbreviated patronymics ending in *-in* and *-ov/-ev* in private acts. This trend was probably associated with the spread of compulsory service and the related formation of a clearer hierarchy within local communities of service landowners. The relatively late emergence of ideas about the privileged nature of patronymics on *-vich* makes it necessary to study the sources more carefully in order to use them as a marker of belonging to the service elites. Of greatest interest in this regard is the study of clerical documents, which makes it possible to determine the place and status of a particular person in the court hierarchy.

K e y w o r d s: Russian state; North-Eastern Rus'; boyars; aristocracy; elite; anthroponymy; patronymic (patronymic); patronymic suffixes

References

- Bentsianov, M. M. (2021). *Sluzhilye elity Moskovskogo gosudarstva. Formirovanie, status, integratsiia. XV–XVI vv* [Service Elites of the Moscow State. Formation, Status, Integration. 15th–16th Centuries]. Moscow: Tsentrpoligraf.
- Chernov, S. Z. (2011). Tri sem'i radonezhskikh boiar [Three Families of Radonezh Boyars]. In A. Yu. Dvornichenko (Ed.), *Russkoe Srednevekov'e: sbornik statetj v chest' prof. Yu. G. Alekseeva* [Russian Middle Ages: Collected Works in honor of prof. Yuri G. Alekseev] (pp. 653–711). Moscow: Drevlekhranilishche.
- Chichagov, V. K. (1959). *Iz istorii russkikh otchestv i familii (voprosy russkoi istoricheskoi onomastiki XV–XVII vv.)* [From the History of Russian Patronymics and Surnames (Issues in Russian Historical Onomastics of the 15th–17th Centuries)]. Moscow: Uchpedgiz.
- Gippius, A. A., & Mikheev, S. N. (2020). “Ubiitsy velikogo kniazia Andreia”: Nadpis' ob ubiistve Andreia Bogoliubskogo iz Pereslavlja-Zalesskogo [“The Killers of Grand Duke Andrei”: Inscription about the Murder of Andrei Bogolyubsky from Pereslavl-Zalessky]. *Slověne*, 9(2), 63–102. <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2020.9.2.3>

- Gryaznov, A. L. (2012). Kupchaia Pavla Kharitonova: zemlevladienie na Beloozere v epokhu Kulikovskoi bitvy [Pavel Kharitonov's Bill of Sale: Land Ownership on Beloozero during the Era of the Battle of Kulikovo]. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 2 (48), 35–49.
- Gus'kov, A. G. (2019). Novye svedeniia k biografii A. A. Viniusa v 1693 godu [New Information on the Biography of Andrew Vinius in 1693]. In I. G. Konovalova, & E. V. Pchelov (Eds.), *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny v sovremennom nauchnom znanii: materialy XXXII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Auxiliary Historical Disciplines in Contemporary Research: Proceedings of the 32nd International Conference] (pp. 125–127). Moscow: IVI RAN.
- Karnovich, E. P. (1886). *Rodovye prozvaniiia i tituly v Rossii i sliianie inozemtsev s russkimi* [Family Nicknames and Titles in Russia and the Merging of Foreigners with Russians]. St Petersburg: Tip. A. S. Suvorina.
- Kobrin, V. B. (2008). *Oprichnina, genealogiia, antroponimika* [Oprichnina, Genealogy, Anthroponymy]. Moscow: RGGU.
- Koroleva, I. A. (2000). *Stanovlenie russkoi antroponimicheskoi sistemy* [The Formation of the Russian Anthroponymic System] (Doctoral dissertation). Moscow State Pedagogical University, Moscow.
- Liberman, A. (1997). *O nachale vojn i smut v Moskovii* [The Beginning of Wars and Unrest in Muscovy]. Moscow: Fond Sergeia Dubova; Rita-Print.
- Medyntseva, A. A. (1978). *Drevnerusskie nadpisi Novgorodskogo Sofiiskogo sobora XI–XIV vekov* [Old Russian Inscriptions of the Novgorod St. Sophia Cathedral of the 11th–14th Centuries]. Moscow: Progress.
- Nazarov, V. D. (1999). Razyskaniia o drevneishikh gramotakh Troitse-Sergieva monastyria. III. Troitskii starets Gennadii Buturlin [Research on the Most Ancient Documents of the Trinity-Sergius Monastery. III. Trinity Elder Gennady Buturlin]. In T. N. Jackson, & E. A. Melnikova (Eds.), *Vostochnaia Evropa v istoricheskoi retrospektive. K 80-letiiu V. T. Pashuto* [Eastern Europe in Historical Retrospective. To the 80th Anniversary of Vladimir T. Pashuto] (pp. 180–189). Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.
- Nazarov, V. D. (2000). Razyskaniia o drevneishikh gramotakh Troitse-Sergieva monastyria. Vklad kniazia Fedora Andreevicha Starodubskogo [Research on the Most Ancient Documents of the Trinity-Sergius Monastery. Contribution of Prince Fyodor Andreevich Starodubsky]. In T. N. Manushina, & S. V. Nikolaeva (Eds.), *Troitse-Sergieva Lavra v istorii, kul'ture i dukhovnoi Rossii* [Trinity-Sergius Lavra in History, Culture, and Religious Tradition of Russia] (pp. 29–58). Moscow: Podkova.
- Ponomareva, I. G. (2005). Istoriia odnogo vyezda na moskovskuiu sluzhbu (o predkakh Chaadaevykh) [The Story of One Trip to Moscow Service (about the Ancestors of the Chaadaevs)]. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 4 (22), 41–50.
- Priselkov, M. D. (1950). *Troitskaia letopis'*. *Rekonstruktsiia teksta* [Trinity Chronicle. Text Reconstruction]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR.
- Savosichev, A. Yu. (2013). *D'iaki i pod'iachie XIV — pervoi treti XVI v.: proiskhozhdenie i sotsial'nye sviazi. Opyt prosopograficheskogo issledovaniia* [Church Clerks of the 14th — Early 16th Century: Origin and Social Connections. A Prosopographic Study]. Orel: OGU.
- Stanislavsky, A. L. (2004). *Trudy po istorii gosudareva dvora v Rossii XVI–XVII vekov* [Works on the History of the Sovereign's Court in Russia in the 16th–17th Centuries]. Moscow: RGGU.
- Uspenskij, B. A. (1994). *Izbrannye trudy* [Selected Works] (Vol. 2). Moscow: Gnozis.
- Uspenskij, F. B. (2002). *Skandinavy. Variagi. Rus': Istoriko-filologicheskie ocherki* [Scandinavians. Varangians. Rus': Historical and Philological Essays]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

- Veselovsky, S. B. (1963). *Issledovaniia po istorii klassa sluzhilykh zemlevladel'tsev* [Research on the History of the Service Landowner Class]. Moscow: Nauka.
- Vysotsky, S. A. (1966). *Drevnerusskie nadpisi Sofii Kievskoi XI–XIV vv.* [Old Russian Inscriptions of Sophia of Kyiv of the 11th–14th Centuries]. Kiev: Naukova dumka.
- Zimin, A. A. (1988). *Formirovanie boiarskoi aristokratii v Rossii vo vtoroi polovine XV — pervoi treti XVI v* [The Formation of the Boyar Aristocracy in Russia in the 2nd Half of the 15th — Early 16th Century]. Moscow: Nauka.

Received on 26 February 2023

Accepted on 1 September 2023